

Убедившись в этих двух иероглифах, заикающийся даос отбросил мысли о докладе и выдворении. Их патриарх велел: «Если встретите ту, что зовётся Ли Чжао, относитесь к ней с почтением. Такова наша, Тайхан, обязанность».

— Н-нужно ли вам с-сообщить?

— Нет, я подожду здесь.

Таким образом, заикающийся даос продолжил нести вахту, а Ли Чжао села под деревом, погрузившись в медитацию, чтобы согреться.

Казалось, в мгновение ока утренний свет мягко озарил землю.

Медленно выдохнув, Ли Чжао открыла глаза, огляделась вокруг. Тайхан был по-прежнему безмятежен, у ворот по-прежнему стоял один-единственный даос, хотя это был уже не заикающийся.

Встретившись с ним взглядом, даос слегка кивнул. Она ответила тем же, затем встала, размяла кости и, вынув Тунлун, принялась за утреннюю тренировку.

Даос поначалу не обращал внимания, но, видя, как девушка оттачивает приёмы, у него сами собой зачесались руки. Он обнажил меч и принялся сражаться с ней.

Они продолжали, пока не пришёл сменный страж. Только тогда они остановились, обменялись почтительными поклонами и договорились потренироваться вместе в следующий раз, чем изрядно озадачили нового даоса.

Закончив с мечом, Ли Чжао снова вернулась под дерево, чтобы продолжить упражнение в неподвижности — «Золотой петух стоит на одной ноге». Бабушка Пу велела ей выполнять его каждый день по два часа: по часу на каждую ногу, смена не более двух раз. Если собьётся — время удваивается...

Два часа пролетели быстро. Она опустила онемевшую ногу, вытерла пот со лба и, оглянувшись, увидела, что страж снова сменился. И наконец-то кто-то поднялся с горы.

Братья У и Е И принесли немного еды и заодно растолковали ей правила собрания.

Поскольку на гору Ванциншань съехалась добрая половина героев Поднебесной, а Лянь Хэнсин принял систему Собрания Героев и сам же умалил свой авторитет, все почувствовали, что у них есть шанс занять трон Главы Альянса Улинь. Поэтому на собрание, куда обычно являлось менее пяти тысяч участников, на сей раз прибыло никак не меньше пятидесяти тысяч. То есть около десяти тысяч пятёрок. Места в Тайхан, разумеется, на всех не хватило бы.

Чтобы не затоптать друг друга насмерть и не растягивать собрание на целый год, Тайхан прибрал несколько ближайших горных вершин и соорудил пять боевых площадок — пусть Глава Альянса забавляется.

Правила нынешнего собрания тоже изрядно перекроили. Первые девять дней на пяти площадках отбирают десять сильнейших пятёрок. Последние два дня состязания проходят уже внутри Тайхан: в первый определяют сильнейшую пятёрку, во второй она сражается с Главой Альянса Улинь. Пожалуй, Лянь Хэнсин и вправду не хотел больше сидеть на том троне, раз выдумал такие правила, что так и норовили дать фору.

Конечно, это были не все правила. У У объяснял довольно долго.

Внимательно выслушав, Ли Чжао наконец поняла, отчего в Тайхан царила такая тишина: время ещё не пришло.

— Эй, твой самый важный человек так и не появился?

Е И, явившаяся неизвестно зачем, пока У У давал голосу передохнуть, равнодушно спросила об этом.

Услышав, Ли Чжао покачала головой, но не унывала — день ещё не кончился.

— И ты будешь торчать здесь всё это время? — голос Е И прозвучал неприязненно.

Ли Чжао, хоть и слегка озадачившись, честно кивнула:

— Да. Я буду ждать её. Если не сегодня, то завтра. Если не завтра, то послезавтра. Когда-нибудь я её дождусь.

— Хм! — Получив ответ, Е И фыркнула, повернулась и ушла, оставив троих в полном недоумении.

Чуть погодя подул ветер, и братья У, продрогнув, откланялись первыми, но пообещали принести поесть. Ли Чжао была им благодарна.

После их ухода она принялась за оставшиеся на день упражнения.

После полудня на гору поднялся Фэй Ду, но не задержался — лишь швырнул ей через плечо виноградную водку и удалился.

Ли Чжао усмехнулась и громко крикнула ему вслед спасибо.

Под вечер братья У принесли еды и заодно напомнили, что завтра ей нужно вернуться: послезавтра открытие собрания, надо же и стратегию обсудить.

Ли Чжао согласилась и решила: если сегодня не дождётся, завтра сама пойдёт искать Деву Цзюнь. Хотя она и могла ждать дальше, но, поразмыслив, поняла — негоже так эгоистично бросать товарищей.

Вечерний ветерок ласково обдувал лицо. Заикающийся даос, зевнув, снова вышел на ночную вахту. Подняв глаза и увидев, что Ли Чжао всё ещё на месте, он изрядно изумился. Подошёл и спросил:

— Д-девушка, к-кого вы ищете? Я п-помогу вам разыскать.

Разбуженная его голосом, Ли Чжао открыла глаза — она незаметно для себя задремала — и на мгновение растерялась.

— Девушка?

Обернувшись на голос, она улыбнулась даосу и, поднимаясь, сказала:

— Да, спасибо. Я ещё немного подожду.

Она, конечно, не расслышала, что сказал заикающийся даос, поэтому ответ получился немного странным.

Но заикающийся даос не придавал этому значения. Он вздохнул и невольно промолвил:

— Ладно, в-всё равно вы уж ц-целый день прождали.

Услышав это, Ли Чжао вдруг осознала кое-что.

— Скажите, даос, который сейчас час?

— П-полночь только что пробило.

Пять слов вонзились в уши, и в сердце невольно поднялась горькая волна. Грусть выплеснулась на лицо — скрыть не удалось.

— Д-девушка, в-вы в порядке?

— В порядке, спасибо. — Она натянуто улыбнулась.

Внезапно налетел порыв ветра — откуда взялась такая сила? — и отшвырнул Ли Чжао на два шага назад. Прежде чем её спина ударилась о дерево, а заикающийся даос успел вскрикнуть, до слуха донеслись два слова, тихие и прозрачные:

— Дурочка.

Когда нежный шёпот коснулся её ушей, Ли Чжао, только что полная грусти и уныния, мгновенно преобразилась. Её глаза загорелись так ярко, что ослепили даже заикающегося даоса.

Он тоже заметил, что пришла госпожа Цзюнь, потому повернулся и отдал почтительный поклон. Закончив, с должной тактичностью рванул назад на пост, превратившись в деревянный столб.

Двое, уставившиеся друг на друга, разумеется, не обратили на него внимания. Но в тот миг, когда их взоры встретились и в зрачках отпечатались истинные образы друг друга, обе онемели.

Нет, у Ли Чжао и вправду были слова, которые она хотела сказать. Она хотела сказать «прости» — не стоило прощаться через других; хотела сказать «я так по тебе скучала» — но эти слова, пожалуй, лишь смутят госпожу Цзюнь. Хотела многое: рассказать, что пережила за эти дни, спросить, как поживает госпожа Цзюнь.

Но больше всего ей хотелось броситься вперёд и обнять её. Но нельзя.

Равно как и у Вань Цзюньи слова тоже были. Она хотела спросить, почему та исчезла на так долго, но не имела права требовать отчёта — ведь сама же сказала когда-то: «Уходи, когда захочешь». Хотела спросить, больно ли от раны, но, подумав, поняла: простояв целый день на холоде, та, наверное, уже онемела от боли. И ещё кое-что... во что вовсе не стоило погружаться.

И ещё... она тосковала по тому тёплому объятию. Но нельзя. Раз уж сердце принадлежит другому, как можно быть столь непостоянной?

Так они и простояли, глядя друг на друга, пока ветер не загудел сильнее, наполнив уши воем. И лишь тогда прозвучали тихие слова:

— Иди за мной.

Сказав это, Вань Цзюньи развернулась и направилась внутрь монастыря. Следом тут же послышались лёгкие шаги — неотступные, точь-в-точь как «прежде того».

Она и не подозревала, что эту сцену увидел тот, кто тихо поднялся на гору. Увидел — и в горечи и ярости удалился...

Вскоре Ли Чжао последовала за госпожой Цзюнь в уединённое место. Пейзажи по дороге, быть может, и были живописны, увы — в её глазах существовал лишь силуэт госпожи Цзюнь впереди. Куда ведёт тропа, что растёт вокруг — не имело ни малейшего значения.

Так что, оказавшись перед деревянной хижинкой, она и не заметила, что сзади простирается сосновая роща. И уж конечно не знала, что их заметил совершавший ночной обход Цзянь Юй.

Переступая порог вслед за госпожой Цзюнь, она уловила ушами храп из соседней комнаты. На миг удивилась, но потом сообразила: наверное, младший брат госпожи Цзюнь.

— Садись здесь.

Пока её мысли витали в облаках, знакомый прозрачный голосок проплыл мимо уха, отдавая лёгкой прохладой. Она вздрогнула. Неужели госпожа Цзюнь рассержена?

Как бы там ни было, покорная Ли Чжао немедленно послушалась и уселась на табурет перед госпожой Цзюнь, а затем подняла на неё взгляд.

М-да... Госпожа Цзюнь похудела, цвет лица тоже неважный. Неужели плохо жила все эти дни? Э-э... Может, тосковала по госпоже Бай?

Думая так, она невольно поджала губы.

Увидев это, Вань Цзюньи, только что решившаяся осмотреть раны этой особы, снова заколебалась. Ведь она не понимала, отчего та выглядит такой печальной и потерянной...

Хотя, казалось, она понимала.

Она сожалела. Раз уж знала, что рано или поздно они встретятся, зачем же заставила Ли Чжао простоять целый день на холоде?.. И одновременно злилась. Злилась на эту дурочку — ну не видано ещё, чтобы, договариваясь о встрече, не назначали время, а потом тупо ждали от полуночи до полуночи...

<http://bllate.org/book/16264/1464284>